

Неправильные глаголы

Трем мужикам захотелось немного выпить и поговорить «за жизнь». Дома оказалось неудобно. Гаража ни у одного нет. В кабаке вокруг чужие, да и дороговато. Решили по простому завалиться в мастерскую к знакомому фотографу...

Юрий Шевелев: Господа, будем пить помаленьку, я водку терпеть не могу...

Константин Рубинский: Наливайте нам меньше, а Александру Евгеньевичу больше.

Александр Попов: Я водку-то люблю, но сегодня не могу... У меня занятия...

К. Р. Ну, чего там, одна бутылка...

А. П. Я с ребенком занимаюсь, с маленьким, ты чё?..

К. Р. Жвачкой жужете.

Ю. Ш. Александр Евгеньевич, вы в

нашей компашке в первый раз, но не стесняйтесь. Говорим откровенно и в любой лексике. Костя давно меня хотел свести с вами поближе. Ну, в сентябре мы коротко поговорили, когда вы в свой лицей притащили Сергея Шаргунова. Я о вас много слышал, как о незаурядном педагоге. Поэтому первый тост за вас, Александр Евгеньевич, как за один из самых ярких брендов нашего города.

А. П. Нет! Юрий Петрович, у вас вчера был день рождения. Поэтому первый тост такой: «Дорогой Юрий

Петрович! Вам очень не повезло в жизни, вы родились в нечестное число. В природе есть числа честные и нечестные. Первое честное число — три. Оно сказало «три», и в нем три буквы. Второе — одиннадцать. В нем одиннадцать букв. А вы родились двадцатого, в нечестное число».

Ю. Ш. Так мне теперь не жить?

А. П. Ну, что вы! Надо терпеть, бог терпел и нам велел, за жизнь!

Ю. Ш. Вывернулись! Вы опытный полемист. →

А. П. Я просто знаю все про числа.

Ю. Ш. Чувствуется: директор школы. Сразу начинаете командовать. Я вас тоже зацеплю. Намедни лежу на диване и слушаю «Эхо Москвы». Ганопольский и Фельгенгауэр говорят о всемирно известном директоре 31-го физико-математического лицея в Челябинске. В передаче анализируется интересная история. Великий учитель подзуживает капитально вкладываться в родную школу бывших учеников, достигших выдающихся успехов в труде и разлетевшихся по всему миру. Например, оплачивать дорогостоящие именные таблички, покупать окна, двери, оснащать классы, мастерские и т.п. Ганопольский ставит вопрос на голосование: хорошо это — или блуд? 62 процента слушателей проголосовали: хорошо! А вопрос-то философский... Мне непонятно, во имя чего вы это делаете? И не возьмут ли вас за задницу какие-нибудь чудачки, подстегиваемые всякими передачами и форумами? Вот вас зацепила леди-прима челябинской журналистики Ирина Моргулес на сайте своего сыночка. Как вы относитесь к критике?

А. П. Однажды Евгений Евтушенко приехал к отцу своей третьей жены в Англию. Тесть не бедный, и зять захотел посмотреть домашнюю библиотеку нового родственника. Тот его привел в библиотеку, а там всего одна книга — Библия. Поэт сильно удивился: «Как так?» А тесть скромно замечает: «Да я и ее еще не прочитал». К чему подвожу? Все любят приговаривать: вначале было Слово. Но не знают, какое. К какой части речи оно относилось? Люди, что любят судить и рядить о других, есть прилагательные. Я к ним не отношусь. Они для меня из другого мира. Я не прилагательное и не существительное. Я — глагол.

И ответ получил мгновенный: «Надо делать, надо быть»

Ю. Ш. Делатель.

А. П. Да, мы делаем, а прилагательные нас судят. Они судьи. А есть еще те, которые во власти. Они существительные. И изрекают какие-нибудь весомые слова. Ну, самое главное слово — закон!

К. Р. Существенное слово.

А. П. Еще есть междометия, причастия, деепричастия. А разным частям речи друг друга не понять. Глаголу не понять прилагательного.

Ю. Ш. Идею понял.

К. Р. Мы с Александром Евгеньевичем сегодня обсуждали мысль Дмитрия Быкова, что в России, кроме как читать, делать больше нечего. Я бы дополнил, что в России надо либо читать, либо что-то реально делать, желательно, ручками, можно и то, и другое. А обсуждать, критиковать, плевать в спины идущим... Я к своим тридцати пяти добрал до того, что не хочу видеть себя в амплиа обсуждающего и критикующего. Поэтому вышел из нескольких творческих жюри. Хочется быть на стороне глаголов, хотя еще не дорос. Читать умею, теперь надо еще научиться делать молча. И чтобы результат говорил сам за себя.

Ю. Ш. Понятно. Я перед застольем задал Александру Евгеньевичу провокационный вопрос: «Как вообще настроение, что делать, быть или не быть?» И ответ получил мгновенный: «Надо делать, надо быть». А я постоянно сталкиваюсь с теми, кто ничего не делает, только базарит или думает о смысле жизни.

А. П. А прилагательные иначе не могут, они так устроены.

* * *

Ю. Ш. Я вашу школу не знаю толком, кроме звездных имен ваших учеников. Вообще современная школа совсем не та, что в наше время, ее многие ругают. У вас какая-то особая школа?

А. П. Однажды ректора Кембриджа спросили: «Вы так мало бываете в университете, кто управляет, когда вас нет?» — «Как кто? Традиции...»

Школу я принял физико-математической, такой ее и сохраняю. Много всяких охотников до перемен, мол, надо растить юристов, экономистов... А для меня в образовании главное — традиции. Я охраняю традиции школы. И больше ничего важного не делаю.

Ю. Ш. Насколько поглощает школьная суета? Я вот стараюсь минимизировать всякие контакты, как-то настраиваюсь на одиночество. Мне в нем уютнее, а от вас поток экспансии, вокруг куча людей, детей, дел, проблем, конфликтов. Зачем все это? Чтобы потом пришел какой-нибудь крутой, молодой и заявил: «Все, дядя, дальше я сам буду хранить традиции, а ты давай, вали?»

А. П. Понимаете, у нас, у глаголов, ума-то нет.

Ю. Ш. У-у-у...

А. П. Ум-то у прилагательных, они решают: умно или глупо. А мы не можем решать. Мы делаем. И все.

Ю. Ш. И что вы сейчас делаете? Расскажите про робототехнику. Зачем это в школе?

А. П. Школе многое нужно. Я не считаю робототехнику главным. Но у меня уже есть хорошая лаборатория, машины, роботы. Дети пишут программы, разные машинки по этим программам движутся. Есть человечки, андройды, ходят, танцуют, ползают. Есть специальный манипулятор, есть станок фрезерный, детишки пишут ему программы, и он вытачивает, что надо.

Ю. Ш. Я правильно понимаю, что в бюджете на это деньги не предусмотрены?

А. П. В бюджете-то что предусмотрено? Зарплата учителям, немного на ремонт. А под школьным ремонтом подразумевается только покраска.

Ю. Ш. Значит, деньги на свои затеи сами привлекаете?

А. П. Работа директора — находить деньги. На них школа развивается.

Ю. Ш. Но деньги считать надо.

А. П. Этого как раз не надо.

Ю. Ш. А если ОБЭП посчитает?

А. П. Я деньги в руках не держу. Деньги приходят в казначейство, потом мы их тратим.

Ю. Ш. Значит, чиновники управляют вашими расходами. А какое у вас отношение вообще к чиновникам? Как к классу.

А. П. Понимаете, чиновники, в основном, распродают Родину. Я могу по-крупному вспомнить, например, как НАТО думал приобрести Восточную Германию порядка за 85 миллиардов долларов, но Горбачев отдал даром и получил Нобелевскую премию. Или как сын Хрущева приехал в Америку нищим, добился приглашения на день рождения основателя IBM и вручил ему свою медаль Героя Социалистического Труда.

Ю. Ш. Кстати, Сергей Никитович работал у академика Челомея в ракетном КБ. И в ту пору среди ракетчиков ходила присказка: «Королев работает на ТАСС, Янгель — на нас, а Челомей — на унитаз». Челомеевские машины, как правило, проигрывали конкуренцию.

А. П. Распродажа продолжается. Свежий пример — Юрий Лужков. Вроде бы, крутой патриот, а оказывается, мздоимец... Чиновники ежедневно предают народ. А народ еще хуже чиновника, потому как на выборах выбирает предателей. А потом начинает плакать. И удивляется.

Ю. Ш. Народ заслуживает своего чиновника. А холодец-то ничего, я думал, хуже. Костя, выскажись, у тебя же бывали терки-стрелки с чиновниками?

К. Р. Как-то Рубинштейн с Шендеровичем заспорили, можно ли быть аполитичным? Рубинштейн утверждал, что можно. Я с ним в большей степени согласен. Понятно, политика — дама шаловливая, не занимаешься ею, она занимается тобой. Но я стараюсь от нее абстрагироваться. Политика вызывает в голове огромное количество лишнего шума. Думаю, политический накал преувеличен. Эта злобность, пафосность, значительность политических событий, даже шутовских, явно нелепых, выеденного яйца не стоящих.

Ю. Ш. Лучше литературой заниматься.

К. Р. Или педагогией.

А. П. Народ возмущается новыми стандартами образования, спорит. С кем спорить-то? С людьми, которым уже заплачено разрушить образование?

К. Р. Учитель Сергей Волков возмутился, и буча поднялась. Если б он не инициировал это письмо, так бы на тормозах и спустился.

А. П. Молча.

К. Р. «Народ безмолвствует. Но пьет».

...нарезали федеральные округа, чтобы взять под контроль губернаторов; похерили НТВ и накрыли информационное пространство; Гусинского и Березовского загнали за Можай, другим олигархам «толсто» намекнули.

Ю. Ш. Вспомним начало нулевых годов, май 2000 года. Инаугурация Путина и сразу такие крепкие заходы: нарезали федеральные округа, чтобы взять под контроль губернаторов; похерили НТВ и накрыли информационное пространство; Гусинского и Березовского загнали за Можай, другим олигархам «толсто» намекнули. Тут же стали валить расплодившиеся политические и партийные конструкции, чтобы выстроить единую вертикаль. Вы как это все воспринимали? Рефлексируйте или забывались школой?

А. П. Когда Горбачев пришел к власти, я почувствовал ужас. Жизнь для меня потеряла смысл, и я стал пить...

Ю. Ш. Несмотря на сухой закон, объявленный в мае 1985 года?

А. П. Так еще больше хотелось. Как-то попал в командировку в Новосибирск. В гостинице оказался в номере с парнем. Вечером сошлись пьяные. Он в своей компании набухался, я в своей. Утром просыпаемся — никакие! Я пропил все деньги, у меня тормозов нет. И он тоже. Лежим, плохо, опохмелиться бы, а где? Во-первых, сухой закон, во-вторых, чужой город. Стонем...

Тут он проговаривается, что является председателем Общества трезвости. И у него с собою касса этого общества. Я восторженно: «Сергея, запомни, я тебе важные слова говорю. Может, в жизни у тебя будет много важных событий, но я тебе предлагаю самое красивое, которым ты будешь гордиться всю жизнь. Давай пропьем кассу! Ты никогда не будешь пить так сладостно». Убедил. Заказали водку, самовар. Мы весь день провели в

номере, смотрели телесериал про Клина Самгина, пили водку, чай, закусывали. Этот парень оказался успешным в жизни, у него было несколько жен, много работы всякой, он издает учебники по экономике для Высшей школы... Недавно случайно встретились, и он мне признался: «Попов, самый лучший день в моей жизни, когда мы с тобой пропили кассу Общества трезвости».

К. Р. Так спасибо скажите Горбачеву за то, что у вас такое событие случилось.

А. П. А при Ельцине я совсем потерял интерес к политике. И больше на выборы не хожу.

К. Р. Зато политики интересуются такими персонами. Приходят, звонят, хотят, чтобы школа была под какой-то политической крышей, чтобы учителя исповедовали те или иные взгляды. Политика и религия для меня схожи в том, что их заинтересованность сегодня во мне больше, чем моя заинтересованность в них. С религией понятно, почему это неправильно. Желание должно исходить от меня, а не наоборот. А про политику думаю так: идеальная власть должна быть незаметной. Ну, схожу я на выборы ➤

раз в несколько лет. А в остальное время просто знаю, что власть где-то есть, но не более. Мне кажется, примерно так это выглядит у европейцев. А про Александра Евгеньевича так скажу. Мой любимый классик Честертон обронил: если про какого-то человека одни говорят, что он нелепо высокий, а другие, что он слишком низкий, вероятнее всего, этот человек ровно такой, какой надо. Первые — лилипуты, вторые — патологические великаны. О Попове масса взаимоисключающих мнений. Одни твердят, что он слишком много хочет и слишком много делает. Другие, наоборот, мол, он человек жеста, а не реального действия. Одни доказывают, что он слишком «физик». Другие, что чересчур «лирик». А он просто такой, какой надо.

Ю. Ш. Ты Попова уважаешь?

К. Р. Уважаю.

Ю. Ш. За вас, Александр Евгеньевич, вы — правильный глагол.

А. П. Я тут вычитал в статье одной дамы, доктора педагогических наук, интересные цифры. Если посчитать все деньги на реформу образования, которые были съедены чиновниками, их бы хватило учителям на 50 лет при удвоенной зарплате. У нас чиновники в образовании едят исключительно деньги.

К. Р. На неделе я попал в небольшое ДТП первый раз в жизни. Царапинка, разбитая фара на тысячу рублей. ГИБДД мы ждать не стали, они едут до 6 часов, а был морозяка. И поехали сами оформлять все это в контору. Восемь часов оформляли! Вдумайтесь. Одну разбитую фару. Когда я смотрю на печальные лица принимающих документы

чиновников, вижу, что у них само лицо может улыбнуться, если только ему купюру положишь сверху. Тогда все будет быстрее, радостнее. Без самой очереди не могла бы существовать эта система. Смешно, когда говорят о каких-то переменах с горбачевских времен: вон какие очереди в поликлинику, в ГИБДД...

А. П. Я добавлю. Недавно один высокий чиновник от образования увидел, что я курю «Парламент»,

и возмутился: «Как ты при такой зарплате куришь дорогие сигареты?» А мне обидно. Я даже в армии, где нам платили три рубля, курил «Иверию», дорогие грузинские сигареты. Однажды порвал мениск, лежу в госпитале в Тбилиси. Знакомых нет. Я не ходячий, курить охота, поесть нормальной пищи. И слышу, один солдат спрашивает другого: «У тебя какая моча?» Тут я смекнул, что дальше буду жить хорошо. Разузнал, у кого какая моча, и стал продавать информацию. Кому нужна хорошая моча, чтобы выписаться, показываю, у кого взять. Кому нужна плохая, чтобы закосить, адресую к другому.

Ю. Ш. Владующий информацией управляет миром.

А. П. Да, у меня появились поклонники, они бегали за сигаретами, коньяком... Потом кому-то я рассказал эту историю, он возмутился: как это неприятно! Я объясняю, что не трогал мочу, даже не видел, а только торговал сведениями, помогал людям.

К. Р. И сейчас говорите, что не видите денег.

А. П. И мочи не трогал, и денег не трогаю.

Ю. Ш. Но «Парламент» курите!

А. П. Когда не хватает денег, что-то придумываю и зарабатываю. Деньги-то просто зарабатываются, а много мне не надо... Кто-то одевается от Версаче, а я — в сэконд-хенде.

К. Р. Машины нет, гаража нет, дачи нет... Зато у других директоров в кабинетах и хай-фай, и кондиционеры, и дубовые резные столы...

А. П. Мне не надо.

Ю. Ш. Имя есть, зачем больше-то? У других стол есть, а имени нет.

К. Р. У людей разные понятия о должности. Кто-то сразу обзаводится дубовым столом и климат-контролем. А у Попова самая дорогая вещь в кабинете — жалюзи... А самое великолепное там — это окно, огромное, во всю стену. Оно в любое время года живет своей жизнью. И вид из него — не оторваться. Деревья, сад, арки, небо, дети бегают...

Ю. Ш. Мощная метафора. Ничего, кроме окна, не нужно для воспитания, да и вообще для жизни...

А. П. Но две зависимости у меня все же есть: сигареты и чай. Вот на это мне хватает ума зарабатывать. Хотя иногда эти зависимости раздражают. Недавно провел в одном интернате целый день. Там только кисель и компот. Так мне плохо стало.

К. Р. Есть еще одна зависимость. Когда были «терки» по поводу ухода Попова из лица, его в интервью спросили: что вы сейчас чувствуете? Он в ответ: «Ничего не чувствую, из меня будут все вынули, не ем, не пью, не читаю, на женщин не смотрю...» Так что третья его зависимость — школа.

***

А. П. Ну, мужики, под чай и сигарету я вам одну штучку расскажу.

Ю. Ш. Сделаем.

А. П. В каждом человеке есть артист. Во мне тоже. Я время от времени представляю себя летчиком, танкистом, президентом, крокодилом, женщиной, дряхлым стариком... Давеча целый час вживался в шкуру министра образования Фурсенко. Вот, дескать, я — Фурсенко, и мне позволительно думать над реформой образования. И меня вдруг осеняет, что и думать-то не надо. Просто с советских стен снимаю плакатик — «Не сорить!» и объявляю во всех школах, что отныне это главная мысль образования. В первый год реформы во всех школах, институтах, техникумах учимся не сорить бытовыми отходами. Нарушителей я буду строго карать: лишать зарплаты, стипендии. Когда истечет год, увидим, насколько всем стало лучше жить, работая в чистоте и порядке. Идем дальше — во второй год реформы учимся не сорить словами. В третий год — еще более высокая задача: не сорить людьми. Уволил, обидел человека — несешь наказание. И я, как министр, буду сто лет проводить реформы, имея лишь одну, но очень глубокую мысль. И

мне вполне хватит единственной извилины в мозгу. Я буду учить людей не сорить чувствами, памятью, совестью. Меня хватит надолго, и еще дольше люди будут меня вспоминать. Когда я умру, люди задумаются: а кто и что хорошего сделал в образовании, кроме меня? И не только в образовании, а вообще в стране? У кого была хоть одна мысль? Кто дело делал? Фурсенко. И что я такого важного знал? А только два слова: «Не сорить!»

Ю. Ш. Сильно задвинул. Кстати, насчет жизни. Вы какой больше парадигмы придерживаетесь: поскорее сореть дотла или растянуть это удовольствие на длительный срок? Многие поэты и вообще яркие фигуры не проживают и половины биологического срока человека. Это люди первой половины жизни. Зато они до сорока лет многое успевают сделать. Другое, наоборот, во второй половине жизни начинают помаленьку наворачивать, копошиться, что-то делать и глядишь: в конце концов, у них получается больше.

А. П. Это сторонний наблюдатель знает. Я живу, как бог на душу положит.

Я, например, из своих занятий марафоном усек, что самый эффективный график — равномерный.

Ю. Ш. Но вы все равно где-то притормаживаете, оглядываетесь. Я, например, из своих занятий марафоном усек, что самый эффективный график — равномерный. То есть скорость на первой половине дистанции должна быть соизмеримой со скоростью на второй. А если сразу саданешь, то потом уже рискуешь не добежать. Вы себе даете хоть какой-то роздых, понимание, что если дух перевести, то силы хватит еще на многое. Нельзя же в таком напряге работать. ➔

А. П. Нет, я не расчетливый. И у меня есть идеалы, которым я завирую. Вот Анненский считал, что стыдно умереть от любой болезни, кроме сердечной. И он вымолил это у Господа: переходил дорогу, упал на трамвайных путях и умер от сердца. Конечно, так бы хотелось. Но заслужу ли я умереть от сердца?

К. Р. Пастернак в «Живаго» описал тихую смерть в трамвае во время социальных бурь и катаклизмов.

А. П. Бродский не захотел делать операцию на сердце, ибо поэту нельзя менять сердце. Прекрасно.

Ю. Ш. Вы сказали, что удержу себе не знаете. Если пить, до упора. Но с возрастом появился какой-то опыт на осторожность?

А. П. Я не умею ни рулить, ни тормозить.

К. Р. Почему не умеете рулить? Еще как рулите, может, тормоза иногда отказывают.

А. П. Я не считаю, что умею рулить. Просто стараюсь не делать некрасивых вещей.

Ю. Ш. А когда вы педагогические кадры подбираете, в лицо смотрите?

А. П. Мгновенно влюбляюсь в людей. Учителей набираю по личной влюбленности. В некоторых потом не разочаровываюсь. Это уже счастье. У меня много красивых учителей.

Мгновенно влюбляюсь в людей. Учителей набираю по личной влюбленности.

Ю. Ш. У вас мужики есть в школе?

А. П. Есть, больше трети. Физики, информатики, математики... А в дополнительном образовании у нас сплошь вузовские мужики — из ЮУрГУ, ЧелГУ и ЧПУ.

Ю. Ш. Костя, принеси, наконец, чаю.

К. Р. Там к Соколову женщины пришли, обещали принести.

А. П. Выпьют, Костя, они же женщины!.. А я даже ночью встаю: выпью чаю, покурю, что-нибудь додумаю. Опять ложусь.

Ю. Ш. Много спите?

А. П. Ночью немного, но я хорошо добираю днем, когда много совещаний...

К. Р. Как-то не по-человечески — трое пьют, а фотограф что?

А. П. Костя — он добрый мужик.

Ю. Ш. Саш, подсаживайся

Ю. Ш. Выпьем за Соколова. Он нас снимает, работает...

А. П. «Сокол» — это космический позывной.

К. Р. И тема номера у нас «Космос».

А. П. Мастера космических дел собрались.

Ю. Ш. Саша, дай бог тебе здоровья.

***

Ю. Ш. У Соколова всегда хороший чай.

А. П. Да, я заметил. Костя, и на фига ты утопил сахар?

К. Р. Я люблю чай с тростниковым сахаром. Меня Саша Соколов подсадил.

А. П. А топить-то зачем?

К. Р. Да не могу я вприкуску.

А. П. Вот тебе и Костя — добрый человек. Взял сахар и утопил.

К. Р. Чего вы к сахару пристали?

А. П. А не надо его топить, грызи. Как гранит науки.

К. Р. Так ему больнее. А тут сразу тонет и не мучается.

А. П. Ты узнаешь больше, если будешь грызть сахар. А утопил — и ничего не узнал.

К. Р. Я не люблю вприкуску, я люблю равномерное растворение.

А. П. Тогда песок съешь.

Ю. Ш. Костя, ладно, не переживай, лучше расскажи про книги Попова.

К. Р. Все его счастливые идеи продолжают в литературных вещах. Любая книжка Попова — изобретение, хоть в бюро патентов неси.

Ю. Ш. Наверное, как макеевская «десятка» или ФАУ-2. То есть аналогов не было... Моя мама читала книжку «Игра в дурака» и приговаривала: «Юра, зачем ты про по-

литику пишешь? Писал бы, как Попов, я была бы за тебя спокойна».

К. Р. Какой директор школы опубликовал свой «Дневник»? А потом на его основе придумал серию городских дневников по профессиям: «Дневник директора школы», «Дневник метростроевца», «Дневник рекламиста», «Дневник кolumnиста», «Дневник поэта»? Кто измыслил «Маму-математику», «Бабушку-словесность», «Папу-физику», серию творческо-игровых книг по разным предметам? Эти родственники входят в жизнь ребенка с младенчества. Кто придумал «Цифростишия» — поэзию без слов? Попов учит нас, что поэзия во всем:

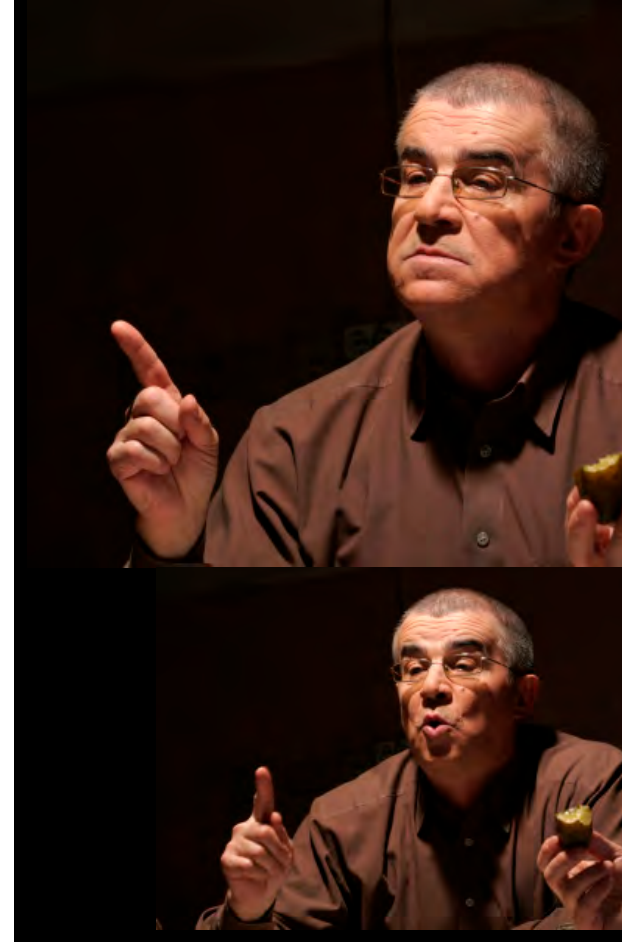
в уральских камнях, пальцах рук, цифрах. Какой кайф открывать поэзию в том, что вроде бы заведомо непоэтично. Татьяна Бек однажды сказала: «А то, что наверняка прекрасно, и без меня проживет на свете». Я еще хочу добавить: мои книжки, изданные при участии Попова — «Детствоведение» и «Дневник кolumnиста» — разошлись мгновенно. Это были точные попадания в читательский спрос. Части тиражей других моих книг еще лежат, а этих книг уже нет.

А. П. Человек, написавший и издавший книгу, меняется на глазах. Вот Сергей Ефремцев, учитель русского языка и литературы в нашем лицее, стал другим человеком, когда мы с Костей его пригласили в проект «Мифы Челябинска», а потом была издана его «Бабушка-словесность». Каким достоинством наполнилась Нелли Михайловна Пашук после выхода ее дневника «Крутая лестница!» Я все время говорю учителям: пишите, я буду вас издавать. Не нравится, когда вас дразнят писателями? Будем называть просто авторами.

Ю. Ш. Я, кстати, тоже начинал с дневников. Вначале стихи — «Странички из дневника». Потом дневник чиновника. Следом «Опыты дилетанта-2002», и их можно продолжить. Всерьез взялся за реконструкцию 90-х годов в «Недалеком прошлом», написанном на базе откровений известного бизнесмена.

Ю. Ш. Я, кстати, тоже начинал с дневников. Вначале стихи — «Странички из дневника». Потом дневник чиновника. Следом «Опыты дилетанта-2002», и их можно продолжить. Всерьез взялся за реконструкцию 90-х годов в «Недалеком прошлом», написанном на базе откровений известного бизнесмена.

Ю. Ш. Я, кстати, тоже начинал с дневников. Вначале стихи — «Странички из дневника». Потом дневник чиновника. Следом «Опыты дилетанта-2002», и их можно продолжить. Всерьез взялся за реконструкцию 90-х годов в «Недалеком прошлом», написанном на базе откровений известного бизнесмена.

Хотел двигаться дальше с бывшим губернатором и прокурором области, но ограничились пространными диалогами в «Челябинских хрониках». И мои «Свободные диалоги», «Жизнь людей» тоже можно превратить в своеобразные серии. Но эти книжки о текущем, суетном, поэтом на фиг не нужны современникам. Эта самая жизнь у всех перед глазами, зачем ее изучать? Даже близкие друзья меня не читают, мол, мы и так с тобою общаемся. Поэтому я пишу исключительно для себя, чтобы не «перекачаться».

К. Р. Даже если книга не станет фактом литературы, она останется фактом зафиксированной жизни.

А. П. Потомки найдут и оценят.

Ю. Ш. Я только этим себя и оправдываю.

К. Р. Уэльбек примерно так говорил, обращаясь к поэтам: мол, я понимаю, что ваша жизнь и так чистое страдание. Никуда не суйтесь. Ну, пару раз опубликуйтесь. Не пиарьте себя. Смиритесь, живите спокойно и просто пишите. Верьте, есть высшая справедливость, и она восторжествует. Вас оценят. Но не

рассчитывайте ни на что прижизненное...

А. П. А что, Рембо считали поэтом? Он торговцем был.

К. Р. В 18 лет, по-моему, написал последнее стихотворение. Все уже сказал. Не надо суетиться о прижизненной славе. Поставить человеку памятник при жизни — признать, что после смерти этого не сделают.

А. П. Вот одна наша детская поэтесса при жизни согласилась на премию имени себя. Сама себе яму роет.

Ю. Ш. Когда я начал писать, сразу отделил себя от «литературного процесса».

К. Р. А только так и возможно. Слабый всегда норовит куда-то прибиться. К полуофициальной организации, творческому союзу, либо, наоборот, к каким-нибудь молодящимся авангардистам. Ищет хоть не могучую, но кучку. А талантливые люди — всегда одиночки.

А. П. Надо стоять на своем месте.

К. Р. Самый тяжелый и самый правильный путь. Да, были футуристы, символисты, акмеисты,

которые все равно распадались на подгруппы, ибо невозможно соединить несоединимое. Я это понял аккуратно во время вступления в Союз писателей.

Ю. Ш. Герой весеннего номера «ЭФ», профессор Павлюк, как-то отменил свое шестидесятилетие. На банкете было море народа. Юбиляр встает и говорит: «Дорогие мои, я теперь понял, какой я богатый человек!» А перед ним сотни выпускников, ставших выдающимися инженерами, конструкторами. Ученики — его богатство, достоинство. У вас есть такое чувство?

А. П. Богатство — не мое слово. Мне это неинтересно.

К. Р. Если не материальное?

А. П. Хотя как. Это фиксированность, а не глагольность. Богатый человек — это уже из прилагательных... →

* * *

А. П. Слушайте, я тут где-то видел конфетки... А что вы, мужики, о бабах-то хотели поговорить?

К. Р. О! Вот где богатство...

А. П. Для меня о бабах и о боге — это одно и то же.

Ю. Ш. Круто берете. Сам я считаю, что бабам все дано сразу, у них мировоззренческие проблемы решены от рождения. Мужики надо всю жизнь доказывать, что он не козел. А женщина родила и уже состоялась.

К. Р. Им и дана способность рожать, потому что они любят друг-друго, а мы любим себя.

Ю. Ш. Вы знаете, почему мужчина

и женщина никогда друг друга не поймут?

А. П. А и не надо понимать.

Ю. Ш. Потому что они хотят разного, диаметрально противоположного: мужчина хочет женщину, а женщина — мужчину.

А. П. Смысл жизни только из-за баб. Не было бы их, я б на хер не жил.

Ю. Ш. Я в летнем номере пытал философа Ершова: что тебе дает самую большую энергию? Ну, например, влюбленность, бабы, слава, деньги, власть? Он замаялся, а я его урезал, дескать, мне самую большую энергию дает поиск истины.

А. П. Не, мне бабы.

К. Р. Поиск истины... в бабе.

Ю. Ш. А что, в них есть истина?

А. П. Есть.

К. Р. Вы же сами сказали: рождение ребенка — истина в действии, в глаголе, говоря языком Попова. В этом смысле все женщины — глаголы.

Ю. Ш. У меня один друг мечтал побыть женщиной, чтобы представить оргазм, который она испытывает...

К. Р. Интереснее представить, как она рождает. Это куда больше даст представление о ее сущности. Чувственное содержание оргазма, думаю, примерно одинаковое, а вот о родовых муках мы ничего не знаем.

А. П. Я иногда ощущаю себя женщиной, ну, в таком коллективе работаю... Это полезно.

К. Р. Знаете, я любил одну женщину больше, другую — меньше. Но у той, которую я любил больше, были холодные, шершавые руки. А у той, которую меньше — руки теплые, мягкие. И я остался со второй. Потому что важнее всего в женщине — какие у нее руки.

А. П. Я у них, сволочей, все люблю... С детства это шло диалектически. В раннем восприятии мне нравилась женская грудь. Потом пришло понимание большего...

К. Р. А вот сейчас что? Ничего не можете выделить?

Ю. Ш. Душа?

К. Р. Нет, мы сейчас о телесном. Я вот про руки.

А. П. А я про то, что приоткроемся...

Ю. Ш. Пушкин млеет от ножек.

К. Р. Да и от грудок.

Ю. Ш. Как-то еду в метро и напротив меня села девушка в босоножках. Такие пальчики на ножках! Я с ума сошел...

А. П. Расскажу историю. Сижу как-то с чиновницей среднего ранга у нее в кабинете. Пьем чай. И вдруг у меня появляется желание. Я говорю: «Можно я вашу грудь поцелую?» Она говорит: «Поцелуйте». Я оттягиваю блузку и целую ее

в грудь, обратно затягиваю и говорю: «Спасибо». Она: «Как это мило...» Потом думаю: все-таки я еще способен на что-то интересное...

К. Р. Мне нравилось, как Попов в конфликте с директором соседней тридцатой школы «убирал» в ней директора и пробуждал женщину.

А. П. Она как-то сильно ругалась по телефону, а ей вдруг предложил: «Слушай, пойдём в баню». Она так серьезно: «Мы разнополюе!»

Ю. Ш. Скрупулезно подметила.

А. П. Я настаиваю: «По стакану замахнем — и будем однополюе. Мы же оба педагоги!» Она: «Ну, тогда я подумаю». ➔

Ю. Ш. Здорово, а у меня есть друг, так он одну чиновницу полюбил прямо на столе в ее кабинете. Ей очень понравилось, и она честно призналась: «Со мною никто так не делал».

А. П. Молодец! Я тоже в следующий раз попрошу у той чиновницы поцеловать другую грудь.

К. Р. Да, надо двигаться постепенно.

А. П. Ну, может, далеко и не продвинемся... Есть смысл остановиться на одной груди. В этом изысканность. Недосказанность.

Угу, напишешь лирическое стихотворение условной героине, а жена тебе — бац сковородой по башке: кому это ты, сука?

Ю. Ш. Намедни на «Эхе Москвы» в программе «Кейс», где обсуждаются разные судебные дела, бурную дискуссию вызвала такая история. Чувак приходит домой, а у жены депрессия. Детки бегают, мамочка грустная лежит на диване. И герой решил эту депрессию снять. Повернул жену на живот, задрал подол и поцеловал ее в ягодицу. Она была крайне возмущена, подала в суд... На «Эхе» идет обсуждение. Мнения ведущих разделились. Гусман кричит, что он нахал, полез на женщину...

К. Р. На жену!

Ю. Ш. ...И целовать в ягодицу при детях — это кошмарный ужас. А ведущая Воробьева, женщина, между прочим, возмущается: «Как можно мужа судить за такой поцелуй?»

А. П. У меня был случай с Александром Ивановичем Пастернаком. Мы с похмелья едим солянку. Он меня спрашивает: «Ты с начальником городского управления в баню ходил?» — «Ходил». — «И о чем вы с ним говорили?» Пастернака надо обязательно предупредить, что-

бы он никому не раскрывал секретов. Тогда точно все будут знать. И я его прошу: «Знаешь, мне стыдно, никому не говори». — «Нет-нет, клянусь, никому, ты только мне скажи». — «Саша, там такое!» — «Ну, что-то ты у него просишь?» — «Всегда одно и то же: а можно я вас в задницу поцелую?..» Пастернак подавился, мы с официантом еле его отходили.

К. Р. Кстати, это обычное дело в Европе: вы целуете женщину, а она на вас в суд подает.

А. П. Ох, ребята, я столько женщин целовал, если на меня в суд подавать...

Ю. Ш. Мне историю рассказал мой старший товарищ, известный архитектор и гениальный рисовальщик. Он рисовал «обнаженку» и всю жизнь прятал от жены. Но однажды она залезла в диван и увидела эти рисунки. Чуть на развод не подала, а ведь у них уже были внуки!

К. Р. Что за жена, от которой надо прятать рисунки!

А. П. Ну, нормальная жена.

Ю. Ш. Она ему детей родила...

К. Р. Это же искусство!

А. П. Костя, ты еще не всех женщин видел.

К. Р. Таких и не хочу видеть.

А. П. Наоборот, совершенно нормальная баба!

К. Р. Угу, напишешь лирическое стихотворение условной героине, а жена тебе — бац сковородой по башке: кому это ты, сука?

Ю. Ш. Я жену заставил предисловие к сборнику своих стихов написать.

К. Р. Хороший ход.

Ю. Ш. Как ей это было мучительно больно!

А. П. У меня до смешного доходило. Пришла на прием жена физрука, а я тогда еще был молодой директор. Она напирает, дескать, у своего мужика нашла презерватив, спрашиваю: «Чей?» Он отвечает: «Попов дал поносить...» И она требует от меня сатисфакции. Кстати, вы знаете, из-за чего я директором то стал? Вот у меня в кабинете сейф стоит...

К. Р. Обшарпанный такой сейф, харизматический.

Ю. Ш. Сейф-то вам зачем, если денег не держите?

А. П. Вот слушайте. Когда пришел учителем в тридцать первую школу, там директором была Кривошук, знаменитая жена первого секретаря горкома партии. Она уходит на пенсию, ставит вместо себя завуча, которая за полтора года школу разваливает и сбегает в районо. Коллектив ко мне, мол, стань директором. Я думаю: надо ли? Мне уже тогда ректор ЧПИ вручил сертификат, что моих учеников берут в институт без экзаменов. Я как учитель вышел на хорошую вершину. Но драма в том, что дома у меня хранился портфель с письмами любимых женщин. И вдруг жена его нашла. Скандал! Она заставила отнести его поздно вечером на помойку. Я спрятал портфель в кустах, а утром отнес в школу и отдал на хранение физрукам, чтобы они схоронили. Иногда в грустные минуты брал портфель, перечитывал милые строчки. Но зловредные физруки периодически прятали в портфеле бутылки и окурки. Мне больно: любимые письма лежат среди разбитого стекла и бычков. Опять я стал думать: где же хранить письма? Дома не могу, у физруков не могу, кабинеты у нас без лаборантских... Наконец, осенило: есть одно место! Это сейф директора школы! И я согласился быть директором...

К. Р. А где сейчас этот портфель?

А. П. Так в сейфе!

* * *

Ю. Ш. Спасибо, ребята, я получил неизъяснимое удовольствие.

А. П. Мне пора.

К. Р. На посошок?..

А. П. Не надо. У меня математика... Главное — движуха. Побегал я, мужики.

К. Р. Выпили всего полбутылки, а так славно, будто две. ☞